

ВАЛЕНТИН ГОЛУБЕВ

И ЧТО ТЕБЕ, СЕРДЦЕ, ТАК ГОРЬКО?..

ДИДОНА

В Карфагене к морю вниз по склонам
у гераней* путь старинный избран,
а под Псковом в мире законном
их сестрёнки нежатся по избам.
Здесь январь, в стекло снегирь стучится,
чтоб в саду цветущем оказаться,
там Дидона — вдовая царица
бродит среди райских декораций,
где дубы ветвятся над полянью,
среди олив — ягнята в альфах-травах,
туи занесло горячей пылью,
и герань повсюду — нет управы!

Кот среди горшков цветочных тужит,
за окошком — снежная Сахара,
зимний день почти до полдня сужен,

* Герань — по мифологии хранительница любви, дома, здоровья.

ГОЛУБЕВ Валентин Павлович родился в 1948 году в посёлке Сосновая Поляна под Ленинградом в семье плотника. Учился в Ленинградском государственном университете (ЛГУ). Публиковался в периодике Москвы, Санкт-Петербурга, а также за рубежом. Автор многих книг стихотворений. Лауреат первых премий “Ладога” им. А. Прокофьева, им. Святого князя Александра Невского, им. А. К. Толстого. Член Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

без листвы деревья сухопары
и черны, и в стужу неодеты,
светится лишь кустик краснотала.
Канула любовь её в легенды,
в поисках Дидона заплутала,
мчит сквозь жизнь преданий колесница...
И морозным утром, блёклой ранью
женщина к нам в двери постучится
тихая, с букетиком герани.

ОСЕННИЙ СЮЖЕТ

Птица ли одна какая, две ли
бабочки под утро в окна бились?
Сквозняком всю ночь знобило двери,
и в дуду архангелы трубили.

Я откинул тяжкие засовы,
бабочек впустил для декораций
сцены счастья нашего, а совы
сквозь стекло пусть на любовь дивятся.

Есть в осенний пьесе вкус разлуки,
обойдём её повадки лисьи.
Август, отыграв, умоет руки
в дождиках и сгинет в закулисье.

Где-то было в летошней тетради:
в пене утра пеночкины трели,
лета лень... Быть может, шутки ради
дал нам кто-то, чтоб душой согрелись?

Время воспарить, прибиться к стае,
вновь в садах цветущих оказаться...

Слишком строг, кто эту пьесу ставил,
не потерпит он импровизаций.

ЗИМНЕЕ

Чертополох бессонниц, сновидений,
затмения зим, забвенья полустанков —
как ни храбрись, а никуда не денешь,
стаканчик выпьешь вечером «с устатку».

Дрова колот, дорожку сдобрил щепнем
к колоду, на щербатом блюде
орешки вынес. Под луной ущербной
пусть утром белки к трапезе сойдутся.

Всё б ничего, но печка ненасытна,
сжирает в жерле, словно макароны,
дрова. На запах из печного сита
к трубе слетятся галки и вороны.

День куц и сер, совсем как птица зяблик,
и снег большой пока ещё не грянул.
Душа любимой среди мёрзлых яблок
Сверкнёт над садом отблеском багряным.

Ещё не вечер! Жизни свет уходит...
Как мне с январским миром примириться?
Усну. Приснятся райские уголья
и знойные объятия жар-птицы.

В ПАРТИЗАНСКОМ КРАЮ

И что тебе, сердце, так горько?
Июньские полдни тихи,
Цветёт бузина на задворках,
Молчат по дворам петухи.

Не слышится песня с покосов,
Быть к вечеру, видно, грозе.
Пойду вдоль полей до погоста
Проведать отцовских друзей.

Лихая година... Россия...
Волненья сдержать не могу.
Какая забота и сила
Здесь путь преградила врагу!

Забудусь,
Нахмурится небо.
Почувствую вдруг на щеках
Дождинок холодную нежность,
Далёкого горя раскат.

МАТЕРИНСКИЕ ЦВЕТЫ

Цветы скучают без хозяев,
они без нас не могут жить,
и оставлять одних нельзя их
на попеченье рук чужих.

За приручённых мы в ответе,
и пусть никто не виноват,
они, совсем как наши дети,
по-детски могут ревновать.

Ах, эта преданность святая!
Когда в разлуке с ними ты,
цветы хандрят и увядают,
из рук чужих не пьют воды.

Опять, как будто в детстве раннем,
держу пред матерью ответ.
На подоконнике герани
ей трудный скрашивали век.

Увы, но путь земной не вечен,
мать в светлые ушла сады...
Как ни старался уберечь их,
погибли все её цветы.

И так, и этак холил я их.
— Как быть мне, мама, подскажи?
— Цветы скучают без хозяев,
они без нас не могут жить.